Баки не стал даже развязывать. Сердце забилось быстро-быстро, в глазах ненадолго помутилось. Кожаный мешочек не был простым. На его боку стояло клеймо — такое, каким он его помнил всю свою жизнь. «Б», окружённая контуром тернового щита.

Он хотел задать ещё множество вопросов трясущейся и плачущей от страха женщине, но лишь одна мысль о том, что он может опоздать, не успеть, словно отсекала ему и вторую руку тоже. Он скинул шкуру на пол — не по доброте душевной, а потому что она слишком мешала двигаться, и выбежал на улицу, на ходу высвистывая волчицу, по обычаю ошивающуюся между двумя пристройками к приземистой хижине.

Давно он так не бегал. Словно за ним не только стая волков неслась, но и тот медведь, который странным образом не сожрал его поздней весной. Бежал до горящей грудины, до мелькающих перед глазами чёрных точек. Как не запнулся ни разу — не знал. Хмага и то едва поспевала за ним, а он нёсся, неловко мотыляя единственной рукой: успеть, успеть, успеть. Вернуться, уберечь, оградить. Что бы всё это ни значило. Реакция Мархи о многом ему рассказала. Искали его. Зачем? Он ведь, умер, давно умер.

Лишь бы успеть, успеть, успеть… Лишь бы Стив был подальше от дома. Как можно дальше в поле, посреди высоких луговых трав. Лишь бы…

Когда он добежал до перелеска, пытаясь разглядеть хоть что-то на поляне и судорожно размышляя, затаиться ли ему и осмотреться, или не сбавлять хода, всё решила за него Хмага — не замедляясь, она выломилась из кустов и с леденящим душу рыком, прокатившемся Баки по загривку, понеслась к их землянке.

У Баки сердце упало и, словно глиняное, разбилось. Он хотел растянуться, запнувшись о первый сучок, утопить лицо в мох и разреветься. Забыться, удариться головой о корень и уйти в темноту. Этого просто не могло случиться. Не с ними, не сейчас.

Он не заметил всадников на поляне, но это ни о чём не говорило. Он видел летящую над травами волчью тень и из последних сил бежал за ней, вытаскивая из ножен длинный охотничий нож, больше напоминающий короткий меч. Не лучшее оружие, но Баки был уверен, что сможет забрать несколько жизней благодаря ему.

Весь луг вокруг землянки был перекопан копытами. Клочки земли вместе с растущим из них дёрном и клевером были вывернуты наизнанку, словно кто выкапывал их специально. Но больше никаких следов борьбы. Почти никаких…

На колоде для рубки дров сидел человек в походном воинском облачении, в килте с их родовым узором. Его угрожающего вида булава стояла рядом, рукоятью опираясь на ту же колоду, а перед ним, распластанный в луже собственной крови, разрубленный разве что не на куски, с вываленным языком и остекляневшими глазами, лежал Хъялги. Рядом с ним застыла Хмага, прижавшись грудью к лапам, она страшно щерилась и низко рычала, грозясь в прыжке смерти отомстить за брата. Вот только мужчина даже не смотрел на неё и никак не выражал беспокойства. Не боялся её ни капли. Он смотрел во все глаза на Баки, и непонятно, чего было

в этом взгляде больше — неверия, удивления или ужаса. Всё смешалось в одну нечитаемую эмоцию, а каждая черта этого грубого, загоревшего лица была знакома Баки до мелочей: и недлинная, густая борода, и сломанный нос, и высокий благородный лоб.

Сжав изо всех сил зубы, не позволяя себе выглядывать Стива или других всадников, пришедших по его душу, Баки смотрел ему в глаза. Не ожидая удара, не боясь, просто не понимая, что происходит.

— Хмага, нет. Я сказал, нет! — крикнул он, подходя ближе и убирая нож в ножны, впиваясь пальцами в стоящие торчком иглы жёсткой шерсти на загривке.

Пропустив ещё несколько мучительно взволнованных ударов сердца, Баки решился обвести поляну и землянку ищущим взглядом.

— Где друид, Джек?

Мужчина, сидящий на колоде, наконец пошевелился. Из расправленных широченных плеч словно ушла настороженность, готовность к броску. Он чуть тряхнул головой, и его сухие обветренные губы совсем немного, но изогнулись в улыбке.

— Здравствуй, Баки. А ведь я не верил, что ты жив.

http://erolate.com/book/3459/83660